

Анна Орлова

Анна Орлова

Любовь до гроба

Фэнтези • Любовный роман • Детектив

Роман

 Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГ»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
О-66

Художники
О. и Е. Юдины

Орлова А.
О-66 Любовь до гроба: Роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 377 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1122-1

Любовь оправдывает все... Так ли это? Юные влюбленные ответят: разумеется! Но светское общество, увы, придерживается совсем иных взглядов. А его мнение куда весомее!

Эту нехитрую истину еще предстоит постигнуть молодой гадалке Софии Черновой. По воле судьбы ей придется вместе с огненным драконом и мировым судьей искать загадочного убийцу, заставляя жителей провинциального городка изнывать от любопытства и делиться пикантными сплетнями. Ведь соперничество дракона и мирового судьи из-за привлекательной гадалки, равно как и расследование таинственных событий в библиотеке, — такая благодатная почва для разговоров!

Личные счеты, денежные затруднения, политические интриги... и это отнюдь не полный перечень версий убийства. Но Софию беспокоит другое. Что сильнее — доводы рассудка или голос сердца? Респектабельность или страсть?

Руны не могут одного: раскрыть ворожее тайну ее собственных чувств...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1122-1

© Анна Орлова, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Бивхейм, небольшой городок к северу от Альвхейма, столицы Мидгарда¹, 317 год после Рагнарёка²

ГЛАВА 1

«Достопочтимая госпожа Чернова!

С прискорбием извещаю, что Ваш супруг третьего дня погиб, покрыв себя неувядающей славой.

Он заслонил меня собою и тем самым спас мне жизнь в стычке у берегов Муспельхейма³, за что посмертно награжден орденом Анны третьей степени.

Понимая, скольким обязан лейтенанту Чернову, я попытался выхлопотать для Вас пенсион, однако командование, к сожалению, оказалось глухо к моей просьбе.

Примите мои искренние соболезнования.

С уважением, капитан Эйлинд Рарваррсон».

София промокнула набезавшие слезы, бережно сложила бумагу и спрятала в ридикюль.

Письмо, перевернувшее всю ее жизнь, — короткие формальные фразы, за которыми стояла неизвестность и нищета...

Право, неувядающая слава павшего супруга — сомнительное утешение для вдовы! Тем паче что к оной глории не прилагалось ни малейшей помощи от Родины, во имя которой сложил голову кормилец семьи. Видимо, Вальхалла, обитель

¹ Мидгард — в германо-скандинавской мифологии срединный мир, населенный людьми. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² Рагнарёк — гибель богов и всего мира, следующая за Последней битвой между богами и чудовищами.

³ Муспельхейм — в скандинавской мифологии мир огня, расположенный на юге.

павших героев, сама по себе мыслилась достаточной наградой.

В памяти Софии Черновой в мельчайших деталях всплыл тот страшный день, когда ее настигла трагическая весть о гибели мужа. Времена были беспокойные, хрупкий мир с Муспельхеймом то и дело нарушался, грозя новой войной. Корвет «Громовержец», отнесенный штормом к вражеским берегам, был вынужден ввязаться в стычку с превосходящими силами противника. Бог войны Тюр и повелитель ветров Ньёрд в тот день благоволили «Громовержцу», однако его изрядно потрепали. Среди павших оказался и лейтенант Чернов.

Хотя минул уже не один месяц, душевная рана от этой потери все еще не зажила. Молодая женщина с величайшей осторожностью извлекла из сумочки последнее письмо мужа, которое повсюду носила с собою вместе с известием от капитана, и вновь вчиталась в знакомые строки:

«Дорогая моя госпожа Чернова! Спешу обрадовать Вас известием о двухмесячном отпуске, который предоставили мне для поправки здоровья. Не волнуйтесь, я почти полностью оправился после болезни, однако командование сочло нужным дать мне увольнительную. Я сойду на берег в следующем порту. С нетерпением ожидаю встречи с Вами».

Далее следовали изъявления нежных чувств и пространные рассуждения о хозяйственных вопросах.

К сожалению, супругам было не суждено увидеться вновь. Перспективы счастливой семейной жизни в один миг оказались разрушенными, убедительно показав, сколь хрупка человеческая жизнь и капризна судьба.

Спрятав драгоценную эпистолу, София поспешила дальше. Она давно изучила этот путь до последней колдобины, и ходьба нисколько не мешала ей предаваться воспоминаниям.

Молодая женщина улыбнулась, с ностальгией вспоминая, как Андрей Чернов с трудом подбирал слова, делая ей предложение... Как нежно улыбался, глядя на свою смущенную невесту... Как уехал, когда закончился короткий отпуск, оставив растерянную юную жену в своем поместье...

За годы замужества София привыкла к почти непрерывному одиночеству, но все же тосковала по Андрею. Их связывало истинное супружеское уважение. Она постоянно вспо-

минала мужа, чем несказанно раздражала свою строгую начальницу, которая полагала, что скорбь надлежит держать в себе, дабы не мешать плодотворной работе.

Госпожа Чернова поежилась и снова пожалела, что не надела теплое манто. Утро выдалось ясным, но весьма прохладным, и разыгравшийся ветер норовил заглянуть под юбки вдовы. Богиня солнца Соль благосклонно взирала на мир с небес, из-за чего Софии пришлось раскрыть зонтик, чтобы уберечься от солнечных лучей, и от этого будто мрачная туча накрыла ее лицо. София вздохнула: в своем безрадостном наряде она казалась самой себе угольно-черной кляксой, неуместной среди ликующих весенних красок, но правила приличий обязывали ее строго соблюдать ненавистный траур. Как будто скорбь — это знамя, гордо выставляемое напоказ...

Молодая женщина миновала столб с высеченными на нем рунами альгиз и раидо — пожелание доброго пути, а также с витиеватой надписью: «Бивхейм». Идти оставалось совсем немного.

София продрогла и мечтала о горящем камине и чашке горячего чая. Взглянув на часы, приколотые к ленте на груди, она слегка ускорила шаг. Госпожа Дарлассон — хозяйка библиотеки и нанимательница госпожи Черновой — как и все гномы, трепетно относилась к соблюдению пунктуальности, а потому вдова старалась являться чуть раньше, дабы не давать повода для упреков и нотаций.

Пытаясь отвлечься от грустных дум, София огляделась вокруг.

Городок более всего напоминал цветник: в темной зелени садов тут и там проглядывали дома из брусвяного¹ камня и дорогого привозного алебастра, будто яркие пионы в обрамлении кружевных листьев.

Бивхейм находился в изрядном отдалении от столицы, а потому считался захолустьем. Приезжие большей частью интересовались происхождением этого поселения лишь потому, что старая легенда гласила, что оно построено на том самом месте, где когда-то находился один конец Биврёста. Радужный мост был разрушен во время Рагнарёка, но с тех пор миновало более трехсот лет, и истории о нем стали похо-

¹ Б р у с в я н ы й — красный, багряный, цвета брусники.

дить на сказки. Словом, это было красивое старинное предание, которое тешило тщеславие уроженцев этих краев.

Второй достопримечательностью Бивхейма являлась публичная библиотека — немалая редкость для провинциального городка даже в нынешние просвещенные времена. Именно туда спешила София.

По счастью, ей не требовалось идти через весь город, поскольку бывший особняк господина Тарлея Дарлассона (нынешняя библиотека) располагался в предместье Бивхейма. Гномы обычно предпочитали жить в тишине, близ полей и ферм.

Отворив калитку, госпожа Чернова остановилась, любясь открывающимся видом. Величественное здание из белого камня, украшенное пышными лепными узорами, напоминало свадебный торт. Дом в эту пору был особенно красив в обрамлении яблонь, усыпанных бело-розовыми цветами. Вдоль дорожек распустились гиацинты, яркие тюльпаны и желтые нарциссы.

Солнечный день походил на кусок пирога, истекающего медом и абрикосовым соком. Волнительное предчувствие чудес вдруг охватило Софию. Недавняя печаль исчезла, молодой женщине внезапно захотелось спеть что-нибудь легкомысленное и радостное, закружиться в танце. Ветер раскачивал ветки, они как будто приветливо кивали и звали за собой...

С трудом сдержав порыв, госпожа Чернова отругала себя за несвоевременные мысли, аккуратно расправила складки платья и поправила выбившиеся из-под чепца волосы. «Это всего лишь весна, — решительно сказала она себе, — которая каждый раз обещает, но всегда обманывает...»

Вздыхнув, София направилась к черному входу. Она не заметила зевак, столпившихся у парадного и поглощенных обсуждением сенсационного события.

Жизнь в глубинке обладает определенной прелестью, в особенности для тех, кто окончательно устал от пыли, копоти, шума и многолюдности столицы. В Альвхейме немало соблазнов и забав, но и в провинции тоже найдется, чем привлечь благородных особ. Свежий сельский воздух, обильная здоровая пища, краснеющие премилые барышни и живопис-

ная местность способны прельстить заезжего гостя и заставить его провести сезон вдали от города.

Величайшим огорчением служит лишь то, что здесь слишком мало развлечений и новостей, способных занять умы общества. В двадцати аристократических семействах, проживающих неподалеку, не может постоянно происходить нечто интересное и достойное обсуждения, а потому дамам и джентльменам приходится по нескольку недель кряду обговаривать одно-единственное событие вроде бала или помолвки.

Однако и в сонном бытии этого тихого городка случаются драмы и романтические истории, курьезные происшествия и даже скандалы. Провинция лишь кажется местом, где никогда ничего не случается, а на самом деле под плотным покровом благопристойности и приличий кипят страсти.

Но нынче стряслось неслыханное: в Бивхейме произошло убийство и пожар. Чем не сюжет для готического романа: ночь, гроза, беснующеся пламя и злодей, крадущийся в тени? Правда, следует признать, что той ночью пожар быстро погасили, но сухие факты никогда не привлекали обывателей, служа лишь пищей для самых причудливых слухов.

Итак, София, не подозревая о случившемся ночью, направилась напрямик к задней двери в библиотеку...

ГЛАВА 2

Доносящийся от парадного входа шум в такой час показался Софии несколько странным, но поразмыслить об этом она не успела.

Приблизившись к дому, вдова с немалым удивлением узрела полицейского, который скучал возле задней двери, даже не пытаясь проявить бдительность. Да и перед кем, собственно, ему выпячивать грудь? С этой стороны могли прийти только слуги и дамы-библиотекари, а никак не начальство, перед коим следовало изображать усердие. Констебль Лазарев служил в управе уже лет двадцать, а потому не был преисполнен почтения и служебного рвения.

Служитель закона заметил госпожу Чернову, лишь когда она подошла к нему почти вплотную.

— Здравия желаю, — вытянулся он во фрунт, браво козырнув.

— Здравствуйте. Рада вас видеть, — ответствовала София, рассеянно кивнув. Полицейский заставил ее очнуться от благолепия весеннего солнечного дня.

Госпожа Чернова осторожно поинтересовалась:

— Скажите, что случилось?

Констебль заколебался. Разумеется, выбалтывать служебные тайны строго воспрещалось, но слишком велико было искушение предстать перед хорошенькой дамой в качестве осведомленной персоны.

Он приосанился и признался, невольно заговорщицки понижая голос:

— Убийство.

— Убийство?! — вскричала молодая женщина, в волнении сжав жалобно хрустнувший зонтик. — Но этого не может быть! Кто... погиб?

Голос Софии дрогнул, и она требовательно взглянула на полицейского.

— И еще пожар! — присовокупил полицейский весомо, наслаждаясь своей ролью.

— Расскажите подробнее, — попросила госпожа Чернова требовательно, но констебль, очевидно, вспомнил об угрозе нагоняя от инспектора.

— Не велено, — с явным сожалением признался он, поспешно распахнув дверь.

Госпоже Черновой ничего не оставалось, кроме как поблагодарить его за любезность и прошествовать в дом.

Здесь царила лаконичная простота и геометрическая ясность форм. В ярком дневном свете комната казалась холодной и неуютной. Белоснежные беленые стены, льдистое сверкание люстры, темная мебель — будто подтаявший по весне сугроб, сквозь который проступила земля.

София в некоторой растерянности остановилась на пороге.

В комнате было непривычно тесно и шумно. Вероятно, присутствующие пребывали в растерянности, пряча замешательство за суетой, будто животные в зверинце, внезапно выпущенные из клеток. Мрачный инспектор Жаров вполголоса беседовал с констеблем Фергюссоном, госпожа Дарлассон

рыдала в углу, а вокруг нее суетился доктор Верин, в своем неизменном парике напоминающий спаниеля. Вздурожненная барышня Юлия Гарышева, вторая дама-библиотекарка, незаметно подслушивала разговор полицейских и кусала губы, явно с трудом удерживаясь от расспросов и комментариев.

София вдруг обратила внимание на царящий вокруг беспорядок: букет увядших тюльпанов в вазе, разбросанные подушки, неубранная посуда на чайном столике... Пожалуй, именно это убедило ее в серьезности происходящего — в иных обстоятельствах взыскательная хозяйка библиотеки ни на минуту не потерпела бы подобный кавардак.

Молодая женщина вежливо поздоровалась, стараясь не выказывать тревоги, и к ней немедленно бросилась Юлия.

— Ах, София, вы даже не представляете, как я рада вас видеть! Тут такое стряслось, такое! — всполошенно тараторила она, вцепившись в руку подруги.

Госпоже Черновой подумалось, что барышня Гарышева походила на породистого кролика — тот столь же восторженно попискивал, вцепившись в вожделенный кусочек сладкой моркови. Сходство усиливали всегда растрепанные рыжеватые косы девушки, напоминающие длинные уши, а также чуть выдающиеся вперед зубы и круглые глаза.

Софии тут же стало совестно за некрасивое сравнение, и она осторожно обняла Юлию за плечи, слегка встряхнула и велела:

— Будьте добры, возьмите себя в руки.

София огляделась, решаясь, к кому обратиться за объяснениями, поскольку барышня Гарышева не могла толком ничего сказать.

Она сочла, что госпожа Дарлассон не в состоянии отвечать на вопросы. Впервые женщина увидела обычно невозмутимую хозяйку библиотеки в таком волнении. Волосы гномки всегда были уложены настолько тщательно, что кожа на висках натягивалась, теперь же ее шевелюра напоминала небрежно сметанный стог, из которого, будто вилы, торчали шпильки.

Молодая женщина невольно припомнила, как в Бивхейме появилась публичная библиотека, а ей самой довелось поближе познакомиться с госпожой Дарлассон. Обыкновенно

цверги¹ не поддерживали знакомств с людьми, предпочитая держаться особняком, но обстоятельства заставили эту почтенную даму поступиться принципами.

Благонравная гномка овдовела вскорости после свадьбы, но повторно замуж не вышла, предпочитая вести дом холостяка-брата. Всю свою жизнь сия добродетельная особа посвятила хозяйству. Чуть менее года назад господин Дарлассон ушел в чертоги Хель, оставив после себя немалое наследство. Основная часть капитала досталась какому-то дальнему родственнику мужского пола, а дом перешел к сестре покойного, но при обязательном условии, что она организует в нем публичную библиотеку.

Требование было скрупулезно исполнено. Вместителище книг занимало все левое крыло дома, в правом же разместилась хозяйка с компаньонкой и прислугой. Это событие привлекло всеобщее внимание, и весь Бивхейм нетерпеливо ожидал открытия.

Вскоре обустройство закончилось. Вот только с библиотекарями вышла неувязка. Покойный пожелал, чтобы руководила всем лично сестра, которая была такой ценительницей книжной премудрости, что даже отказала двум или трем поклонникам ради ее нового детища. Однако справляться со всеми делами самостоятельно ей было не под силу, а нанять служащих-мужчин не позволяли приличия. Следовало сыскать хотя бы двух дам, в должной мере отягощенных образованием. Если учесть, что подвергалось сомнению мнение о том, что женщине надобно изучать что-либо, кроме чтения, счета и письма, а также неперменного рукоделия, музыки и рисования, то немудрено, что найти таких сотрудниц оказалось непросто.

Некоторое время гномка находилась в бесплодных поисках. Узнав о прискорбном положении Софии Черновой, госпожа Дарлассон нанесла ей визит и предложила вакантное место.

Состояние финансов Софии было таково, что предложение это показалось ей весьма заманчивым. За вдовой осталось имение, однако при этом на нее возлагалась обязанность выплачивать немалую ренту кузену мужа. Она вынуждена

¹ Ц в е р г — гном.

была либо продать дом и отправиться жить к родственникам, либо же искать иные источники дохода. Первое не устраивало молодую женщину еще более, нежели прискорбная необходимость зарабатывать на хлеб насущный: у нее была сестра, но они никогда не были близки, и брат, который и вовсе считал это родство обузой. Родители их не так давно умерли друг за другом, а остальные родичи были столь дальними, что их вообще не стоило учитывать.

Девушка спрятала несвоевременную улыбку, припомнив, какое незабываемое впечатление произвел тогда на нее визит госпожи Дарлассон. Облаченная в строгий траур почтенная дама выглядела столь сурово и благопристойно, что казалось, будто само слово «мужчина» вызывало у нее желудочные колики. Впрочем, поговаривали, что и она не без греха: гномка питала неизъяснимое пристрастие к драгоценным безделушкам, пряча ожерелья под глухим высоким воротом.

София происходила из семьи профессора, а потому получила прекрасное образование, так что все устроилось к всеобщему удовольствию. Жалованье дамам-библиотекарям было положено немалое, и его вполне хватало на скромные потребности молодой вдовы. Факт работы по найму служил бы неоспоримым доказательством безнравственности дамы, если бы не особые обстоятельства, о которых речь пойдет далее. Жители городка и его окрестностей, позлословив некоторое время, все же не стали закрывать перед Софией двери. Вскоре нашлась еще одна девица-библиотекарь, и двери книжного царства госпожи Дарлассон распахнулись, дабы принять первых посетителей и отныне снабжать местное общество самой разнообразной литературой.

Отвлечшись от воспоминаний, госпожа Чернова отстранила Юлию, что-то восторженно щебечущую, стремительно подошла к полицейским и взмолилась:

— Ради Одина, инспектор, объясните, что здесь произошло?

Инспектор Жаров закончил втолковывать что-то понурившемуся констеблю, обернулся и сумрачно поинтересовался:

— Что вам уже известно?

— Решительно ничего, — слегка покривив душой, сообщила молодая женщина. Ей было неловко за свое любопыт-

ство, но долее оставаться в неведении она не могла. По счастью, госпожа Дарлассон и барышня Гарышева не пострадали, однако сумятица в библиотеке свидетельствовала о каких-то неприятных событиях.

Поколебавшись немного, инспектор махнул рукой подчиненному, который с явственным облегчением умчался рысью выполнять поручение начальника. Проводив его взглядом, господин Жаров кивнул и принялся рассказывать об известных ему обстоятельствах, пропуская мимо ушей многочисленные вопросы неугомонной Юлии.

Обычная велеречивость нынче изменила полицейскому, он будто сочинял протокол, отделяваясь несуразными формальными фразами. Животрепещущие подробности остались за рамками этого краткого повествования, однако и сухие казенные слова вызывали у Софии чувство нереальности происходящего. Она словно смотрела представление в третьесортном театре, обшарпанный вид и посредственные актеры которого никак не позволяли зрителям воочию представить живописуемые события.

Итак, около полуночи госпожа Дарлассон проснулась от запаха гари и звона потревоженных охранных заклятий. Гномка тотчас разбудила слуг, велела известить пожарный приказ, а тем временем тушить собственными силами. Что стало причиной возгорания, установить не удалось, но главное, что огонь вскоре погасили.

Хозяйка библиотеки всегда опасалась, как бы с ее драгоценным детищем ничего не стряслось. Месяц назад ее сородичи установили диковинку — специальную машину для тушения пожаров¹. Кроме того, гномка также вызвала эриля², который со своей стороны принял все возможные меры для защиты дома от разнообразных бед. Теперь все эти предосторожности окупились сторицей, сведя убытки к минимуму.

Таким образом, пламени не удалось выйти за пределы комнаты сторожа, но сам он был обнаружен мертвым. И, к

¹ В нашем мире автоматическая установка пожаротушения была запатентована англичанином Джоном Кэри в 1806 г. Он предложил проложить в защищаемом помещении сеть трубопроводов от водонапорного бака, а на сети установить оросители с мелкими отверстиями. В помещении протягивался горячий шнур, при перегорании которого открывались замки, удерживающие клапан, он освобождался, и вода поступала к оросителям.

² Э р и л ь — в скандинавской традиции маг слова, знаток рун.

ужасу Софии, причиной смерти послужил отнюдь не огонь — голова несчастного господина Ларгуссона была проломлена.

Кроме того, в хранилище ценных книг, расположенном на втором этаже, оказалась взломана дверь и устроен полнейший разгром. По-видимому, злоумышленник намеревался похитить какие-то ценные фолианты, ради чего не побрезговал замарать руки убийством.

По мнению инспектора, преступник намеренно учинил пожар, чтобы скрыть следы злодеяния, после чего скрылся через окно второго этажа — обе двери на улицу оказались заперты изнутри.

На этом инспектор закончил рассказ, глубоко вздохнул и с надеждой произнес:

— Я прошу вас о содействии, госпожа Чернова.

Видимо, происшествие привело в уныние даже этого жизнерадостного джентльмена, большого любителя редких вин и неисправимого дамского угодника. Сегодня его облик был лишен обычного лоска: заметная щетина придавала ему дикий вид; галстук был повязан небрежно и измят; а сюртук не лучшим образом сочетался с остальным одеянием, что смотрелось уж вовсе немыслимо. Но даже теперь инспектор оставался весьма красивым мужчиной. Ему можно было дать лет сорок, разве что темные волосы уже начали слегка редеть, а возле глаз наметились морщины. Наличие жены и троих ребятишек нисколько не влияло на влюбчивый нрав господина Жарова, и он то и дело пускался в новые любовные приключения.

— Безусловно, инспектор, я сделаю все, что в моих силах, — заверила София, без труда догадавшись, о чем речь.

Дело в том, что госпожа Чернова являлась гадалкой, а это редкое дарование было весьма полезно для окружающих. Действительно, кто еще сможет подсказать девушке, как к ней относится кавалер, ее отцу — стоит ли вкладывать деньги в сомнительное предприятие, а матери — какая из дочерей первой выйдет замуж?

Немалую помощь госпожа Чернова приносила также полиции и мировому судье, спешествуя поискам преступников.

В Мидгарде гадалок повсеместно привечали, к слову,

именно благодаря этому обстоятельству свет относился к Софии куда снисходительнее, нежели к любой иной даме благородного происхождения, вынужденной собственным трудом зарабатывать на хлеб насущный.

Инспектор тут же подтвердил:

— Прошу вас, как можно скорее погадайте и сообщите результат. Ваша помощь будет поистине бесценна.

— Не беспокойтесь, я безотлагательно отправлюсь домой и приступлю к ворожке, — заверила полицейского София, и тот рассыпался в любезностях. Общество дам, по-видимому, благоприятно сказалось на душевном состоянии инспектора, и он как будто даже воспрянул, на время позабыв о предстоящем расследовании.

Госпожа Чернова хотела уйти, но ее удержала барышня Гарышева, которая спешила выразить свой восторг.

— Это так увлекательно! — зашептала девушка, лихорадочно блестя глазами. — Прямо как в романах!

Молодая женщина с искренним удивлением взглянула на Юлию.

— Как вам не совестно? — возмутилась София. — Произошла страшная трагедия, к тому же где-то неподалеку скрывается убийца, возможно, кто-то из наших знакомых! И вы находите этом занимательным?!

Барышня Гарышева надула губки и недовольно отозвалась:

— Не будьте такой ханжой. Можно подумать, вам неинтересно собственными глазами наблюдать за расследованием. — И почти шепотом заговорщицки добавила: — И вообще странно, что госпожа Дарлассон так расчувствовалась из-за сторожа. Мне кажется, тут что-то нечисто.

София лишь покачала головой, неприятно удивленная вульгарностью поведения подруги. К сожалению, при всей легкости нрава и незлобивости, Юлия и раньше обнаруживала прискорбное отсутствие душевной тонкости, а также свойственные юности прямолинейность и безразличие к чужим несчастьям.

Чтобы закончить этот неприятный разговор, София повернулась к зеркалу и сделала вид, что всецело занята поправлением шляпки. Она заметила с деланным безразличием:

— Я уверена, что эта история окажется не столь заинтере-

льной. Что касается скорби госпожи Дарлассон, пострадало ее имущество и репутация библиотеки, полагаю, это достаточный повод для огорчения. А теперь прошу меня извинить!

Отстранив подругу, молодая женщина торопливо вышла из библиотеки.

Ветерок слегка освежил ее, однако день потерял для нее всякую прелесть.

По дороге в Чернов-парк София размышляла о трагических событиях. Мрачное предчувствие грядущих кривотолков овладело ею, и она ускорила шаг, чтобы поскорее добраться домой...

Даже не переодевшись, лишь сняв шляпку, София устроилась в гостиной и принялась ворожить.

Отчего-то это действие представляется обывателям настоящим таинством. Воображению предстает гадалка в одеянии, изукрашенном непонятными символами, руны в ее руках кажутся каплями крови из взрезанных запястий, а глаза горят мистическим светом...

В действительности все обстоит куда прозаичнее, и стороннего наблюдателя поражает будничность происходящего. Необыкновенная обстановка, особые одежды, чтение заклятий и призыв духов — все это предназначено лишь для создания загадочной атмосферы. Знающий обойдется без всяких обрядов, достаточно лишь взять мешочек с рунами и обратиться к богам. Богини судьбы Урд, Верданди и Скульд — прошлое, настоящее и будущее — милостивы и охотно отвечают на вопросы. А понять предсказание поможет мудрый Один, потому при ворожке непременно обращаются к нему с мольбой о содействии.

Как объяснить несведущим, что испытывает ворожея, как передать удивительное чувство, охватывающее ее, стоит лишь ей прикоснуться к рунам? Должно быть, нечто подобное происходит с плохо видящим человеком, который наконец надевает предписанные врачом очки. Он уже давно привык видеть все расплывчатым, но простой предмет вдруг дарует удивительную остроту зрения, и изображение выступает из тумана, приобретает четкость. Уже не нужно долго щуриться, пытаясь разглядеть ускользающие детали, и даже мимолетный взгляд позволяет без особых усилий различить все вокруг.

Подобное чувство ошеломляющей ясности испытывает и гадалка. Все вдруг делается понятным и простым, достаточно только всмотреться в выпавшие руны, и с губ сами польются слова, проясняющие увиденное. Потому ни одна истинная ворожея не сумеет солгать и не отважится требовать платы за помощь. Разве можно брать деньги за драгоценный дар богов?

Пусть для других это просто кусочки дерева или камня, на которые нанесены незамысловатые символы, более всего похожие на скрещенные веточки или царпины, оставленные морем и временем, руны всегда говорят правду, нужно лишь правильно задать вопрос.

Отчего-то на этот раз предсказания оказались туманными. Разумеется, точно обрисовать грядущее могут лишь норны¹, остальные предсказывают в меру своих скромных способностей. Впрочем, лучше не вполне отчетливо видеть дорогу, нежели оставаться совсем слепым...

Раз за разом София повторяла вопросы, однако картина не складывалась, лишь кусочки и обрывки представляли взору гадалки. На вопрос: «Кто же преступник?» — упорно выпадали руны: хагалаз, совелу, кано, и госпожа Чернова уразумела, что виновник как-то связан со стихией огня². Как причина злодеяния упорно выпадал ансуз³, но оставалось лишь догадываться о смысле этого указания. По-видимому, подразумевалось, что ночные события, как и подозревал инспектор, воспоследовали из желания похитить какую-то книгу.

София уже решила оставить напрасные попытки, но внезапная мысль заставила ее задать еще один вопрос.

«Феху»⁴, — утвердительно откликнулись руны, и гадалка устало откинулась на подушки, шепча благодарение норнам, асам и ваннам⁵ за помощь. Не оставалось сомнений, что в

¹ Н о р н ы — в скандинавской мифологии богини судьбы.

² Здесь имеются в виду следующие значения рун: хагалаз — власть, разрушение, природное буйство, связанное с извержениями вулканов, наводнениями, ураганами; совелу — солнце, энергия, огонь; кано — пламя, энергия.

³ А н с у з — руна связана со словами, информацией, означает также совет, помощь, получение сведений, подарков. Может указывать на случайность, обман.

⁴ Ф е х у — руна, связанная со стихийными энергиями, означает ответ «да» на заданный вопрос.

⁵ А с ы и в а н ы — старшие и младшие боги в скандинавской мифологии.

этой темной истории замешаны драконы огня, гадание вполне ясно указало на это.

София приказала подать чаю и тут же села за письмо инспектору Жарову, в котором подробно изложила полученные сведения. Она велела своему домовому Стену отнести послание адресату и пропустила мимо ушей ворчание его супруги Леи, которая полагала, что нарубить дрова перед обедом куда важнее, чем поручение хозяйки. Сама же госпожа Чернова отправилась в сад, она рассчитывала, что это ее успокоит, и действительно, не прошло и получаса, как в мыслях ее воцарилась привычная безмятежность.

К обеду прибыл констебль с ответным посланием, которое содержало изъявления благодарности и заодно прояснило некоторые моменты.

Оказалось, что из библиотеки был похищен некий фолиант, по-видимому, представляющий немалую ценность. С этой книгой были связаны весьма любопытные события.

Так, примерно неделю назад неизвестный дракон арендовал поместье Гархейл, в пяти милях от Бивхейма. О его прибытии Софии поведала госпожа Дарлассон, с гордостью сказав, что тот специально приехал, чтобы посетить библиотеку.

Надо признать, что у гномки имелся повод для гордости. Ее брат давно приобрел великолепное собрание старинных и современных книг. Кроме того, пользуясь немалыми средствами, оставленными специально на нужды библиотеки, она регулярно выписывала из столицы модные журналы, дамские сентиментальные романы и популярные нынче сочинения о головокружительных приключениях и опасных тайнах. Безусловно, это привлекло внимание всех местных дам, до того вынужденных довольствоваться устаревшими сведениями о веяниях моды в Альвхейме, полученными из уст знакомых, чье положение и состояние позволяли выезжать в столицу на сезон. Следом в библиотеку стали наведываться и благородные господа, желающие быть в курсе столичных новостей и новейших научных изысканий в самых разных областях.

Не так давно в окрестностях Бивхейма был обнаружен настоящий склад старинных книг, которые госпожа Дарлассон охотно выкупила скопом.

Приезжий дракон интересовался некоторыми из этих за-

писей, в особенности дневником своего соотечественника Шезарра. Хозяйка библиотеки позволила приезжему ознакомиться с ценной рукописью, хотя и не разрешила выносить ее за пределы библиотеки.

Это причиняло некоторые неудобства и не слишком обрадовало пытливого исследователя, однако он вынужден был уступить. Но дракон не успел приступить к изучению — именно потребная ему книга была похищена накануне.

Все это вкупе с результатами ворожбы бросало на него тень подозрения.

К тому же куда проще искать виновника среди пришлых, нежели в кругу знакомых и соседей. Жутко даже предположить, что убийцей может оказаться один из обитателей окрестных имений или городских домов.

Словом, теперь у инспектора Жарова имелся вполне удобный во всех смыслах подозреваемый...

ГЛАВА 3

Что такое убийство? Для родственников жертвы — это трагедия, которая отняла близких и родных, лишила кормильца и опоры. Для редких философов — подтверждение прискорбной бренности бытия. Для людей верующих — проявление неотвратимости судьбы и воли богов. Большинству же убийство представляется всего лишь злободневной новостью, которую следует поскорее обсудить, с наслаждением обсасывая все кровавые подробности и лицемерно закатывая глаза.

Отчего обыватели так любят страшные истории? Вероятно, желание пощекотать нервы таинственными загадками и блестящими расследованиями перевешивает естественный человеческий страх перед опасностью, являя детективные сюжеты как своеобразную приправу, острую и пряную, к серости жизни. Ведь их эта беда не коснулась, обошла стороной, забрала кого-то другого... Литографии и статьи в газетах, многочисленные сплетни, театральные драмы и воображение писателя — все это питает банальная в общем-то вещь... чья-то смерть...

Жизнь в Бивхейме всколыхнулась, будто темная стоячая вода в пруду от брошенного камня.

Таинственное происшествие вынуждало всех обитателей города опасаться за себя и своих близких, но в то же время давало повод для многочисленных сладостных разговоров. За завтраком и на прогулке, в повседневной суете и во время ленивого послеполуденного отдыха нет-нет да и проскальзывала эта тема. Трепетные барышни, обожающие остросюжетные романы, и почтенные матери семейств, тайком почитывающие все те же книжечки о таинственных авантюрах и романтических страстях, видели в этом захватывающее приключение. Более здравомыслящие отцы семейств с мрачным видом толковали за бокалом коньяку об ужасном падении нравов и о необходимости выписать из Альвхейма настоящих сыщиков. Словом, история эта сделалась предметом живейшего обсуждения. Говорили об этом решительно все: дамы и господа, слуги и лавочники, все, независимо от расы, возраста и пола. Сходились они лишь в одном: надобно отыскать виновника и как следует наказать.

Обязанность выявить преступника конечно же возлагалась на инспектора Жарова, который справедливо полагал, что поиски куда проще и действеннее начать по горячим следам, кропотливо опрашивая окрестных жителей и разыскивая возможных свидетелей. Он также переговорил с доктором и госпожой Дарлассон и велел констеблям допросить слуг.

В общем, бравый инспектор сделал все, чтобы выполнить свой долг. Ради этого он позабыл даже о прелестях очередной горничной (девицы хорошенькой и многоопытной), которая, кстати говоря, была весьма недовольна столь явным пренебрежением. В своих тайных грезах господин Жаров уже воображал, как героически уличает преступника...

Он нисколько не сомневался, на кого укажут очевидцы, а потому был до крайности удивлен и раздосадован результатами своих усилий. Кроме дракона, против которого свидетельствовали уже упомянутые ранее обстоятельства, обнаружили еще двое подозреваемых. Дело принимало столь неожиданный оборот, что он не дерзнул самостоятельно давать ему ход и решил посоветоваться с мировым судьей. Соблазн единолично стяжать все лавры был силен, однако положение

инспектора заставляло его относиться к местной аристократии со всем возможным пиететом.

К тому же до сих пор на счету городской полиции числились лишь несложные происшествия, посему местные сыщики никак не могли иметь богатый опыт.

После завтрака инспектор Жаров приказал заложить коляску и отправился в Эйвинд.

Земли этого имения с одной стороны примыкали к Чернов-парку, однако поместье Рельских было несоизмеримо больше и богаче последнего. Эйвинд увенчивал роскошный хозяйский дом, будто марципановая фигурка на праздничном торте. Это был внушительный особняк подчеркнуто симметричных пропорций, с множеством больших окон (немалой стоимостью застекления которых справедливо гордился покойный отец нынешнего владельца) и уютной обстановкой.

Инспектор Жаров обвел взглядом подъездную аллею, величавый дом и ухоженный сад и завистливо вздохнул. Аллеи вокруг усадьбы были высажены будто по линейке, каждый кустик и всякое дерево педантично подстрижены, а на газонах, казалось, не росло ни единой лишней травинки. Хозяин имения поддерживал порядок и был аккуратен во всем, поэтому садовники с усердием следили, чтобы ничего не нарушало симметрию.

Вместе с молодым господином Рельским проживали также матушка и три его незамужние сестры, известные своей взбалмошностью. Отец и брат, несмотря на все усилия, не смогли вложить в их легкомысленные головки способность серьезно мыслить и рассуждать. Однако недостатка во внимании джентльменов барышни Рельские не испытывали, залогом чему были их красота и солидное приданое. Кстати говоря, с одной из них, Елизаветой, была дружна София Чернова.

Этот ранний утренний час мировой судья посвятил делам, при появлении инспектора его секретарь откланялся и оставил их наедине.

Господин Рельский обладал немалым авторитетом среди окрестных жителей. Обычно молодому человеку достаточно хорошо танцевать и учтиво вести себя с дамами, чтобы его сочли обладателем хороших манер и джентльменом. Кроме

этих бесспорных достоинств, господин Рельский был великолепно образован, имел острый ум и немалый жизненный опыт. Его покойный отец, как поговаривали, был весьма суров и считал праздность страшным грехом. По его же настоянию он получил подобающую профессию, дабы приносить пользу обществу.

Инспектор окинул обстановку гостиной одобрительным взглядом: надежная тяжеловесная мебель темных тонов, однотонная светлая окраска стен, бежевые ковры прекрасного качества составляли благородный сдержанный интерьер. Кабинет же мирового судьи напоминал берег океана: чистые холодные оттенки, вдоволь пространства и свежего воздуха, морские пейзажи на стенах. Это была обитель отнюдь не сибарита, о чем свидетельствовали многочисленные полки с книгами и стопки бумаг на столе — аккуратные, невзирая на напряженную работу.

Никто не мог бы назвать господина Рельского светским бездельником — несколько отличных имений, доли в многочисленных предприятиях, бумажная фабрика и должность мирового судьи не оставляли времени для скуки.

Джентльмен приветливо ответил на поклон полицейского, прозрачно намекнул на дефицит времени и поинтересовался делом, приведшим гостя в Эйвинд.

Инспектор устроился в кресле, тяжело вздохнул и принялся излагать свои соображения, прилагая все усилия, чтобы убедить мирового судью в способности местной полиции справиться с расследованием.

В полном молчании выслушав повествование инспектора, господин Рельский некоторое время напряженно размышлял. Новые сведения не пришлись ему по вкусу и наталкивали на неприятные мысли, но юридическая стезя научила судью трезво оценивать события, а ясный аналитический ум уже искал возможные способы обратить обстоятельства в свою пользу.

Инспектор почтительно молчал, не мешая его раздумьям.

Наконец господин Рельский признал:

— Полагаю, скрыть это совершенно невозможно. Но вы должны в полной мере понимать щекотливость ситуации...

Инспектор согласно кивнул, но осторожно заметил:

— Я все понимаю, однако боюсь, жители города не будут столь снисходительны...

Мировой судья встал, прошел к окну и остановился, буд-то любясь открывающимся видом.

Вот уж, действительно, столп общества — фигура внушительная во всех смыслах. Впрочем, некоторая массивность телосложения с лихвой компенсировалась благородным происхождением, которое угадывалось в правильных чертах лица. К тому же этот славный джентльмен обладал значительным годовым доходом.

Не оборачиваясь, господин Рельский веско заметил:

— Вам надлежит быть как можно деликатнее и поскорее освободить этих особ от всяких подозрений.

— А что, если... — полицейский запнулся, не решаясь высказать крамольные мысли.

— Это невозможно! — отрезал господин Рельский и наконец повернулся к господину Жарову. Его серые глаза были холодны и внимательны. — Полагаю, ваш долг — найти истинного преступника!

Он заметно выделил последнюю фразу, и инспектор послушно склонил голову, принимая этот завуалированный приказ. Конечно, он желал бы получить полномочия на расследование без всяких изъятий, однако выбирать не приходилось. Полицейский прекрасно понял свою задачу — обелить названных лиц, даже вопреки обстоятельствам дела...

На вкус Софии, местности вокруг Бивхейма недоставало диковатой красоты ее родных краев, однако в преобладающих в округе пологих холмах также имелась своя прелесть.

Госпоже Черновой не сиделось дома, она стремилась на волю, как птица, изо всех сил рвущаяся из клетки, раня хрупкое тельце о прутья. Молодая женщина закусил губу, поймав себя на этой мысли. С каких пор ей стало неудобно в собственном доме? Она искренне любила Чернов-парк, хотя эта старая усадьба будила слишком много воспоминаний и навела на горестные размышления, которые стали ее тяготить.

София остановилась у клумбы, любясь яркими цветами, образчики некоторых из них господин Чернов привозил из своих странствий для любимой супруги. Теперь они радовали взор и вызвали радостные воспоминания о семейном

счастье, но вместе с тем приносили ноту горечи и сожаления. Так благоухают, увядая, лилии, когда к сладкому аромату примешивается запах глена...

Молодая женщина огляделась вокруг, и ей подумалось, что поместье походило на старое уютное кресло, передаваемое из поколения в поколение. Иногда новый владелец менял обивку или мягкие подушки, но сам мебельный патриарх оставался неизменным. Он тихонько вздыхал, принимая в свои объятия очередного хозяина, и молча хранил память о том, что уже никогда не вернется...

София обвела взглядом парк, носящий следы запустения, и вздохнула. Обстоятельства вынудили ее уволить большую часть прислуги. Ныне порядок в доме и в саду поддерживался руками верных супругов-домовых Стена и Леи. Малый рост домовых (они едва доставали до колен молодой хозяйке) не мешал им расторопно управляться с хозяйством. Супруги являлись будто частью дома уже много лет, а потому вообразить Чернов-парк без их молчаливой заботы было попросту невозможно.

Впрочем, за это тоже приходилось платить: неугомонное семейство обожало без спросу вмешиваться в личные дела хозяев.

Вот и сейчас, едва София вошла в дом и сняла шляпку, домоправительница выскочила из кухни, вооруженная поварешкой, и поспешила доложить, дирижируя этим нехитрым орудием.

— Вас ожидает молодой джентльмен! — с неприкрытой радостью по этому поводу объявила верная Лея и, не сдержавшись, добавила шепотом: — Он не представился, но он очень, очень хорош! Только...

— Хватит, Лея! — поморщившись, София решительно оборвала панегирик гостю.

Супруги истово желали повторно выдать хозяйку замуж и не считали зазорным нарушать субординацию, чуть ли не ежечасно напоминая о целесообразности такого шага. Горькие повести о протекающей крыше сарая, плодящихся мышах, прохудившемся постельном белье, многозначительные намеки на пресловутое счастье с милым рядом за месяцы вдовства изрядно поднадоели молодой женщине. Она более не желала слушать об этом!

Домовые вообще относились к госпоже Черновой скорее покровительственно, пренебрегая подобающей почтительностью, однако та закрывала на это глаза. Вот и теперь лишь недовольно нахмурилась. Ведь сколько раз София ей объясняла, что вряд ли имеет шансы на замужество, а гости (в том числе молодые джентльмены!) посещают Чернов-парк лишь по делу! По правде говоря, рассчитывать на новый союз госпоже Черновой вовсе не приходилось. В стране, где почти половина девушек достойного положения, происхождения и воспитания всю жизнь оставалась в старых девах, шансы бедной вдовы представлялись мизерными.

Не желая более слушать разглагольствований домоправительницы, София торопливо направилась в малую гостиную, куда сообразительная Лея провела визитера. Это небольшое помещение, выходящее окнами в сад, обычно использовалось для приема желающих погадать. Нежно-зеленый оттенок обоев и узор из роз создавал впечатление, будто комната являлась укромным уголком сада, что настраивало на мирный лад и помогало унять волнение.

Во всей фигуре молодого мужчины, пружинисто поднявшегося при виде хозяйки дома, проявлялось еле сдерживаемое нетерпение и укрощенный бешеный нрав.

Гость был облачен в экзотический наряд: на голове тюрбан из узорчатой серебристой ткани, поверх рубашки свободного кроя на плечи вместо редингота¹ накинуто что-то вроде мехового палантина. Из-под тюрбана выбивались пряди необыкновенного альмандинового² оттенка, а темные глаза искрились яростным огнем, придавая неповторимое очарование грубоватым чертам лица. Это вовсе не было преувеличением — перед Софией действительно стоял дракон, во взоре которого танцевали настоящие языки пламени.

В недобром прищуре неизвестного читалась неприкрытая угроза, отчего госпожа Чернова невольно попятилась. На губах гостя мелькнула презрительная усмешка, отчего молодая

¹ Мужчины в качестве верхней одежды носили: редингот (термин, полученный из riding coat) — приталенный однобортный пиджак, длиной примерно до середины бедра, с небольшим отложным воротничком; каррик — двубортное пальто с множеством воротников-пелерин, доходящих иногда до тридцати двух штук; альмавиву — просторную накидку без рукавов. Надо было в нее красиво драпироваться.

² Альмандиновый — темно-вишневый.

женщина тотчас опомнилась и обратилась к посетителю вполне благожелательно, хоть и несколько сбивчиво:

— Здравствуйте. Меня зовут София Чернова. Чем могу быть вам полезна?

В свою очередь дракон окинул хозяйку дома неторопливым взором, внимательно и враждебно. Во взгляде его не было ни вежливости, ни даже тени вполне понятного мужского интереса к хорошенькой женщине. А она была привлекательна и прекрасно об этом знала.

Простое черное платье и накидка из бомбазина¹, покрытая крепом² траурная шляпка — наряд был молодой женщине к лицу, оттеняя ее молодость и свежесть, подчеркивая молочный тон кожи и яркий шелковый³ оттенок глаз. Кроме обручального кольца, украшений на ней не было. София Чернова считалась миловидной, хотя ее чертам недоставало чеканной правильности, присущей признанным красавицам.

— Меня зовут Шеранн, — коротко проронил он, по-прежнему пристально глядя на смутившуюся Софию, заставляя ее ощущать себя птичкой под взглядом змеи.

Подобающих заверений в приятности состоявшегося знакомства не последовало, он не предпринял ни малейшей попытки завязать любезную беседу.

подавив желание вытереть о юбку внезапно вспотевшие ладони, госпожа Чернова с трудом улыбнулась и попыталась замять неловкую ситуацию, предложив:

— Присаживайтесь. Я прикажу подать чай. Должно быть, вы устали и замерзли.

Не дав дракону шанса возразить, она судорожно затрясла колокольчиком и велела появившейся Лее поскорее готовить чайный стол.

Приличествующие радушной хозяйке хлопоты несколько отвлекли Софию. Опасный визитер не проронил ни слова, замкнувшись в угрюмом молчании и исподтишка за ней наблюдая, что заставляло ее чувствовать себя еще более неловко.

Госпожа Чернова пыталась успокоить себя здравыми доводами, что у его народа правила поведения могут быть со-

¹ Б о м б а з и н — ткань из смеси шерсти и шелка.

² К р е п — шелковая или шерстяная ткань с шероховатой поверхностью.

³ С и л к о в ы й — голубой, васильковый.

всем иными, что, впрочем, не умаляло возникшей принужденности.

Наконец Лея подала чай.

— Прошу извинить за скудость угощения — я не ждала гостей, — тоном радушной хозяйки обратилась к дракону женщина, пытаясь за вежливыми словами спрятать свое волнение и негоду на себя за слабость. — Какой желаете? Вот эту смесь я составила собственноручно, попробуйте. Или предпочтете ройбуш? Мне привозят отличный черничный ройбуш, поверьте, он очень бодрит.

К немалой досаде Софии, гость не пожелал поддержать непринужденный разговор.

— Полагаюсь на ваш вкус, — буркнул Шеранн.

Едва удержавшись, чтобы не передернуть раздраженно плечами, госпожа Чернова разлила чай и предложила дракону угощаться.

Усевшись на самый край кресла и стараясь не сжимать судорожно чашку, София поинтересовалась:

— Чем обязана?

При этом на Шеранна она старалась не смотреть, делая вид, будто наблюдает за птицами, устроившими шумную потасовку за окном.

В обществе дракона София чувствовала себя неудобно. Он походил на опасного хищника, который лишь до поры делает вид, будто укрощен и покорен, а на самом деле терпеливо ожидает момента, чтобы неожиданно броситься на зазевавшуюся жертву.

Ей подумалось, что, будь у него в этом облике хвост, Шеранн непременно принялся бы им раздраженно помахивать и бить себя по бокам, выдавая злость. Она тут же выругала себя за детские страхи. Драконы — вовсе не герои страшных сказок, а представители небольшого обособленного народа. Покойный отец Софии не раз с усмешкой говаривал, что таинственность и отсутствие достоверных данных — лучшая почва для великолепных легенд.

Шеранн отпил глоток чая, отчего-то поморщился, плавным движением отставил чашку и соизволил пояснить:

— У меня к вам вопрос о недавнем пожаре...

Он сделал многозначительную паузу, и София с упавшим сердцем поняла, что ее догадки были верны — к ней явился

тот самый дракон, на которого бросило тень ее недавнее гадание.

— Слушаю вас, — кивнула она, сиюсь казаться спокойной.

Дракон встал, сделал шаг к ней и остановился рядом с креслом Софии, таким образом вынудив ее взглянуть на него.

Сжатые кулаки, угрожающая поза (мужчина буквально нависал над нею), опасный блеск огненных глаз — без всяких сомнений, он пребывал в ярости и едва сдерживал себя. Гадалка невольно поежилась.

— Кто вас подговорил? — Голос Шеранна вдруг сделался вкрадчивым, почти ласковым, отчего молодая женщина окончательно перепугалась.

— Никто меня не подговаривал, — покачала головой София, сдерживая желание вжаться в кресло.

«Самообладание — вот первая добродетель истинной леди!» — повторила про себя она, пытаясь держаться с достоинством.

— Вы пытаетесь меня убедить, что сами по себе решили очернить драконов? — неприятно усмехаясь, спросил Шеранн. — Ни за что не поверю, что такая идея пришла в вашу хорошенькую головку. А может быть, вас просто подкупили?

Несправедливое обвинение в первый миг совершенно ее ошеломило.

Совладав с собой, София гордо подняла подбородок, заставила себя взглянуть прямо в глаза дракону и отчеканила:

— Не понимаю, о чем вы говорите. Я выполняю свой долг.

Видимо, дракон был из тех, кто не приемлет противоборства, так что ее слова заставили его окончательно утратить терпение.

Бесцеремонно схватив женщину за плечи, Шеранн легко выдернул ее из кресла. От неожиданности и крепкой хватки она вскрикнула, выпустила из рук чашку и облила горячим чаем подол платья, но даже не ощутила этого.

Дракон с силой встряхнул Софию и посмотрел в ее глаза, полные испуга и удивления.

— Я заставлю вас сказать правду! — прошипел он яростно.

Она посмотрела в столь близкие огненные глаза и поду-

мала, что в них есть нечто странно притягательное и завораживающее. Эта несвоевременная мысль оказала на Софию именно то воздействие, которого она тщилась добиться все это время.

Молодая женщина внезапно осознала, сколь смехотворно эта сцена выглядела бы со стороны, найдись вдруг сторонний наблюдатель, и это окончательно ее отрезвило.

Страх развеялся в одно мгновение, сменившись яростью и острым желанием поскорее избавиться от общества несносного гостя. Учинять скандал недостойно почтенной вдовы, однако при необходимости она не преминула бы обратиться к констеблю и поведать знакомым о грубости дракона. Однако в таком случае пришлось бы предать огласке нелепые обвинения в ее адрес...

Госпожа Чернова прямо взглянула в глаза Шеранна и холодно ответствовала:

— Я сказала правду. Осмелюсь заметить, господин Шеранн, что ваше поведение недостойно настоящего джентльмена. Прошу вас немедленно покинуть мой дом и никогда более здесь не появляться.

Долгую минуту дракон смотрел на нее, после чего буквально швырнул в кресло и стремительно вышел, не удостоив даже словом.

Вне себя от пережитого, осознав, что опасность миновала, София закрыла лицо руками и разрыдалась, давая выход нервному напряжению.

ГЛАВА 4

Шеранн не находил себе места в роскошном имении, арендованном им на время выполнения миссии.

Гархейл оказался вполне уютным и подходил дракону по всем параметрам: расположенный вблизи Бивхейма, однако в достаточном отдалении, чтобы в случае надобности можно было принять второй облик, не опасаясь причинить кому-то вред; просторный и светлый, в окружении прекрасного сада, он вполне отвечал запросам Шеранна; здесь можно устраивать приемы и достойно принимать визитеров. Дракону пришлось бы больше по вкусу тишина и мрачноватое великоле-

пие родных пещер, стены которых были отделаны драгоценными и поделочными камнями так, что непривычному взгляду становилось больно от такой красоты, но он прекрасно понимал, сколь несбыточно желание немедленно очутиться в родных горах. Ему оставалось лишь вздохнуть, помня о порученном ему деле, которое удерживало его здесь, и гордиться оказанным доверием.

Данное Шеранну поручение было важным и весьма щепетильным. Он прекрасно помнил слова защитника огненных драконов (а по совместительству своего родного дяди), сказанные им перед отъездом: «Запомни, Шейленн хочет войны, и мы должны его остановить. Клянусь Искрой, если мы ему не помешаем, Мидгард скоро превратится в выжженную равнину. Мы уже потеряли Зеленую землю и не хотим терять новую родину. Возлагаю на тебя все надежды. Я верю в тебя, мальчик!»

Шеранн знал, что дядя говорит искренне, к тому же он поклялся самым священным для огненных драконов — Искрой, первоисточником и основой всякого пламени. Да и упоминание о Зеленой земле — прародине драконов — также свидетельствовало о важности дела.

В отличие от остальных рас, драконы испокон веков жили в срединном мире, в Мидгарде, обители людей. Но при этом драконы практически не имели дел с людьми, обосновавшись на уединенном северном острове. Могущества детей стихии вполне достало, чтобы сделать эту холодную землю пригодной для жизни, даже более того, уютной, исполненной дикого очарования. Семьи Огня, Воды, Воздуха и Земли уживались вместе, лишь семья Льда¹ держалась особняком, облюбовав самую северную часть Зеленой земли, где сохранились льды, не тающие даже в разгар жаркого лета... Змей Ёрмунгард², приходившийся драконам дальним родственником, не пускал к острову мореплавателей, торговый и лихой люд, обвинявая заповедный остров непроходимым кольцом.

К несчастью, именно за помощь и защиту родича при-

¹ В скандинавской мифологии стихий не четыре, а пять: огонь, вода, земля, воздух и лед.

² Ё р м у н г а р д — в скандинавской мифологии огромный змей, который опоясал всю землю и вцепился в собственный хвост.

шлось поплатиться Зеленой земле во время Рагнарёка: Мировой змей, как и предназначено, сразился с Тором, богом грома, бурь и плодородия, и погиб в этом самоубийственном поединке. Это повлекло множество землетрясений, извержений вулканов и прочих катастроф, сладить с которыми не смогли даже драконы, и в итоге их остров исчез, сметенный хвостом Ёрмунгарда, а драконье поселение перенеслось в сердце владений людей.

Около трехсот лет тому назад Последняя битва уничтожила прежний порядок, и вместо девяти миров, связанных воедино Мировым Древом, возникла единая земля. Катастрофа сотворила лоскутное одеяло из разных кусочков. Чья-то неведомая рука мелко нарезала и перемешала куски земли, будто овощи в рагу. Владения эльфов, гномов, драконов и прочих соединились причудливой мозаикой. Теперь мир был един, и всем расам отныне предстояло ютиться вместе... Конечно, слияние миров не прошло безболезненно, и последовало время потрясений и множества войн. Слава богам, ко времени нашей истории установилось относительное спокойствие.

Шеранн с улыбкой вспомнил, как трепетало его детское сердечко, когда дядя рассказывал ему на ночь об ужасах Рагнарёка, о том, как реки текли вспять, земля вставала на дыбы, а океаны сходили с ума. Ему не довелось собственными глазами увидеть Зеленую землю, канувшую в бездну почти за двести лет до его рождения. Родина Шеранна — Вилийские горы близ столицы Мидгарда, и иной отчизны он не знал, однако драконы трепетно хранили память о своем острове. Да и что такое прошедшие три века, если принять во внимание длительность жизни детей стихии?

Дракон невидяще смотрел на великолепные портьеры, обрамлявшие окна, на драгоценные картины и дорогие ковры. Его мысли занимало отнюдь не убранство комнаты. Достижение цели, ради которой он приехал в Бивхейм, оказалось под угрозой, и притом единственно из-за абсурдных обвинений гадалки.

Положение драконов в обществе было двояким и весьма зыбким. В мире образовалось несколько сильных государств, и в настоящее время войн между ними не было — лишь локальные конфликты. Нельзя сказать, чтобы хоть одна из рас

была довольна таким смешением — всем хотелось бы жить в отдельных мирах, но выбора попросту не существовало, так что пришлось приспособливаться. Некоторые, правда, даже теперь надеялись на возвращение старых порядков и отказывались признать, что мир необратимо изменился, но таких было меньшинство. Люди ко всему привыкают, и, как оказалось, нелюди тоже.

Впрочем, мир оставался пока совсем хрупким — лишь около двадцати лет миновало с той поры, когда отгремело последнее крупное сражение между Муспельхеймом и Мидгардом. Мирный договор между этими странами был подписан и последовали годы спокойствия, прерываемые лишь мелкими пограничными стычками, которые, однако, вполне способны были перерасти в новую военную кампанию.

Драконы всегда стояли поодаль, не часто пересекаясь с другими расами. В силу определенных причин их не задевали, хотя влиться на равных в новый мир для них было почти несбыточно. И вот теперь, когда появилась реальная возможность это изменить, все вдруг пошло наперекосяк — сначала у самих детей стихии, а теперь и у людей.

Шеранн задумчиво крутил в руках подвеску с символом огня — знак особых полномочий. До сих пор ему не доводилось ею пользоваться, да и в сложившихся обстоятельствах этого делать не стоило. Вещица, совершенно непримечательная на первый взгляд, при более пристальном изучении вызвала бы восторг у любого. Там, в глубине металла, кажущегося холодным и мертвым, в действительности обитало пламя, и лишь воля дракона удерживала огонь, способный за несколько минут превратить украшение в лужицу расплавленной меди. Иногда он рвался на поверхность, расцветивая выгравированный символ желто-оранжевыми и пурпурными бликами. Высокая честь и великое доверие, оказанные ему, заставляли Шеранна нервничать, поскольку он прекрасно понимал, сколь ответственная миссия на него возложена, гордился ею и в глубине души боялся не оправдать надежд.

Вот и сегодня он ошибся, неверно понял характер этой человеческой девицы, и счел, что лучше всего будет припугнуть несговорчивую гадалку. Без всяких сомнений, она ка-

ким-то образом связана с теми, кто затеял эту грязную провокацию, и дракон намеревался любым путем вырвать у нее подробности. Потому он не стал усмирять свой запальчивый нрав, позволил себе вспыхнуть, поддался гневу, рассчитывая насмерть перепугать госпожу Чернову...

Госпожу! Шеранн оскалился. Столь почтительное обращение к людям, всего лишь мошкам, чья жизнь длилась только краткие мгновения, было ему не по вкусу, хотя дракон умел изображать уважение к иным расам и вести себя соответственно их варварским правилам. Однако нельзя не признать, что это были весьма деятельные мошки, сумевшие выжить, расплодиться и, более того, прибрать к своим рукам немалую часть драгоценных земель. Потому с ними приходилось считаться, как бы ни были они неприятны вольному драконьему племени...

Шеранн понимал, что совершил ошибку, решившись с наскока атаковать Софию. Самый легкий путь не оправдал ожиданий, оставались иные способы получить желаемое.

Дракон быстро написал записку, после чего позвонил, вызывая слугу. Явившийся мальчишка взирал на него с ужасом и восторгом и торопливо удрал, едва дослушав поручение доставить означенное послание. Шеранн поморщился — того и гляди слуги примутся разбегаться из-за глупых рассказней — и принялся расхаживать из угла в угол...

Инспектору Жарову было жарко, сколь бы неуместным ни был такой каламбур. Вытирая пот со лба кружевным платком (украшенным васильками — по последнему слову моды), он пытался убедить барышню Дварию, старшую дочь покойного господина Ларгуссона, что ей не следовало огульно подозревать столь уважаемых особ.

Барышня относилась к тем дамам, в присутствии которых бедный инспектор с трудом подбирал слова, краснел и невольно вспоминал своего гувернера, который все норовил стукнуть ученика указкой по пальцам за малейшую вольность в поведении или неправильный ответ. Предельно скромное серое платье, суховатые птичьи черты лица, тонкие пальчики с острыми коготками — Двария Ларгуссон походила на воробья, который вместе с тем несколько не трепетал перед кор-

шуном. У гномки имелись твердые взгляды абсолютно на все, и поколебать их было невозможно.

После часовой беседы, так ничего и не добившись, инспектор убрался восвояси, решив доложить о своих затруднениях мировому судье, с тем чтобы тот сам повлиял на упрямую барышню. Гномка твердо вознамерилась предать гласности некие щекотливые обстоятельства...

Далее инспектор Жаров отправился ко второй свидетельнице, обладающей, по ее заверениям, достоверными сведениями об убийце.

Имение господ Шоровых соседствовало с одной стороны с Чернов-парком, а с другой примыкало к Эйвинду. По сравнению с этими старинными имениями эта постройка казалась аляповатой поделкой заурядного ремесленника. Дом был возведен с претензией на классический античный стиль, но в действительности казался лишь грубой копией.

В желтой гостиной, куда провели инспектора, он первым делом обратил внимание на поясной портрет хозяина. Гость слабо разбирался в живописи, потому не мог оценить художественную ценность полотна, однако сей помпезный шедевр определенно обошелся в немалую сумму и к тому же был обрамлен в роскошную раму, украшенную золотом и жемчугом. Господин Жаров скептически взглянул на это свидетельство непомерной заносчивости хозяина дома, прекрасно зная, что тот был известен своей привычкой к роскоши, жил не по средствам, и это не лучшим образом сказывалось на его репутации. Господин Шоров, отставной военный, по обыкновению проводил лето вместе с семьей в имении, но большую часть года обитал в столице. Назначенный ему пенсия вкуче с доходами от аренды земель и разных деловых предприятий позволяли вести светский образ жизни, однако его годовой доход был явно недостаточен, чтобы жить на широкую ногу. Яркий блеск и мишура непреодолимо влекли бывшего майора, и бивхеймские сплетники все гадали, когда же он разорится окончательно, погнавшись за непомерной роскошью.

Инспектора приняла госпожа Шорова, которая извинилась за отсутствие супруга. Господина Жарова такой поворот лишь порадовал — сюда его привело дело, касающееся сугубо хозяйки дома, к тому же он предпочел бы обсудить его с ней

наедине. Госпожа Шорова, дама средних лет, рано увядающая, все еще мнила себя красавицей. Эффектное, но неподобающее возрасту розовое платье смотрелось нелепо на несколько оплывшей фигуре, что не мешало ей вышагивать с воистину царственным видом. Она весьма ревниво относилась к своей наружности и, как поговаривали, нередко устраивала мужу сцены ревности. Надо сказать, господин Шоров был лет на пятнадцать старше супруги и на самом деле никаких поводов для подозрений не давал.

Женщина встретила полицейского со всем возможным радушием, более того, держала себя столь свободно и доверительно, будто считала его своим конфидентом. Инспектору пришлось выслушать о выдающихся успехах всех пятерых дочерей гостеприимной хозяйки. С величайшим трудом гостю удалось перевести разговор на интересующую его тему, но казалось, что госпожа Шорова лишь краем уха слушала инспектора, рассеянно улыбаясь. Несколько сбитый с толку полицейский в конце концов был вынужден напрямик высказать свое пожелание (точнее сказать, пожелание мирового судьи, сослаться на которого доблестный инспектор конечно же не преминул), однако и это не произвело должного впечатления. Хозяйка дома лишь как-то отвлеченно улыбнулась и промолвила задумчиво, будто бы вовсе безотносительно к предмету разговора:

— Знаете ли, милый инспектор... — От столь явной фамильярности полицейский невольно передернулся, но госпожа Шорова витиевато продолжила как ни в чем не бывало: — Кузен моего дражайшего супруга служит в Государственной цензурной палате, в самой столице! Так вот, он всегда в курсе всех тамошних сплетен, обладает достаточным влиянием, чтобы выяснить самые тайные обстоятельства. Дорогой родственник нередко делится со мною любопытнейшими сведениями... Не так давно он поведал мне о некоей госпоже Одиной... Вы понимаете меня, инспектор?

Она с явной насмешкой взглянула на совершенно раздавленного гостя.

— Несомненно... — с трудом выдавил мужчина, вытирая разом взмокший лоб.

— Полагаю, что вы, мой дорогой друг, — продолжила госпожа Шарова добивать деморализованного противника, —

не пожелали бы, чтобы эти обстоятельства стали известны в обществе. Но если вы станете мне мешать, то я в свою очередь обещаю вам предать гласности эту историю.

— Вы мне угрожаете?! — спросил инспектор, приподнимаясь и напряженно всматриваясь в безмятежное лицо женщины, обрамленное кокетливым розовым чепцом.

— Что вы! — Хозяйка притворилась совершенно шокированной этим предположением. — Я всего лишь вас предупреждаю, любезный. Иначе я перестану считать вас другом, и тогда у меня не будет причин хранить вашу тайну... А теперь простите, меня ждут письма.

Вежливо откланявшись, господин Жаров побрел к выходу. Он не мог решить, как поступить. Неприкрытая угроза госпожи Шоровой с одной стороны, и неудовольствие господина Рельского — с другой... Что выбрать?

После визита дракона госпожа Чернова еще долго не могла успокоиться, вновь и вновь переживая эту некрасивую сцену. Она не находила себе места, то бесцельно бродя по комнате, то принимаясь за рукоделье, то за письма. Бесцеремонность и насилие были для нее вновь и мучили Софию сознанием собственной беспомощности, заставляя вновь и вновь придумывать запоздалые гневные отповеди обидчику. Как же непривычно ощущать себя без надежной поддержки мужа, способного окоротить наглеца!

Отвлекая хозяйку от невеселых размышлений, в комнату постучала Лея.

— Что случилось? — спросила София, радуясь поводу отложить в сторону вышивание, к которому, впрочем, не прикоснулась последнюю четверть часа.

— Хозяйка, простите, — присела в реверансе миниатюрная Лея, — господин Варгуларс, торговец тканями, просит принять.

У них давно было так заведено — люди и нелюди одного с Софией круга обращались напрямую к ней, а остальных приводили домовые.

— Конечно, проси, — согласилась гадалка, тотчас обретая потерянную уверенность в себе.

На одутловатом лице вошедшего пожилого гоблина чита-

лись искреннее горе и отчаянная решимость. Он походил на вальяжного и холеного пса, которого вдруг выгнали из дому.

Не решаясь заговорить, гоблин опустил глаза, смущенно терзая шляпу.

— Госпожа, — выдавил он наконец, почтительно кланяясь, — меня зовут Зарлей Варгуларс, и я прошу вас помочь!

— Что случилось? — встревожилась София.

Голос гоблина дрожал, будто он с трудом сдерживал рыдания.

— Моя единственная дочка умирает, и никто не может помочь, вся надежда на вас, госпожа! — взмолился господин Варгуларс со слезами на глазах. — Господин Ферроссон сказал, что ничего нельзя поделать.

Господин Ферроссон, почтенный аптекарь, пользовавшийся от всевозможных болезней жителей Бивхейма, имел немалый опыт в лекарском деле, а потому его суждениям молодая женщина вполне доверяла.

— Боюсь, я тоже ничем не смогу помочь. — София печально покачала головой, искреннее сожалея о судьбе бедной девочки.

— Заклинаю вас, хотя бы попробуйте! — Гоблин тяжело опустил на колени, умоляюще взирая на нее. — Ферлай так плохо! Аптекарь сказал, она не протянет больше суток...

Он опустил голову, молчаливо оплакивая судьбу дочери.

Ведомая состраданием, София заверила его, что охотно помогла бы девушке, но она мало что понимала во врачевании.

— Вы ведь гадалка, может быть, руны расскажут, как вылечить мою девочку... — предположил гоблин с отчаянием.

Молодая женщина не нашла сил отказать, хотя сильно сомневалась в успехе.

Окрыленный надеждой, несчастный отец бросился из дома. У крыльца его ожидал наемный экипаж, и гоблин устремился к нему, суетливо предлагая помощь Софии. От непрерывных излияний многоречивого спутника у молодой женщины разболелась голова, однако просить его немного помолчать было невежливо.

Небольшой домик гоблина был аккуратным и уютным